

Научная статья

УДК 94(571)«17/18» + 327 + 341.241.13
DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-60-71

«Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века

Дмитрий Константинович Попов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
dmitriy_popov_1997@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1524-2857>

Аннотация

На основе делопроизводственной документации анализируются «договоры», которые заключали или обсуждали русские дипломаты, направленные в ставки тюрко- и монголоязычных кочевников севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. Предметом «договоров» в основном выступали политические (шерть, ясак, аманаты; возврат пленных; прекращение набегов), а иногда и экономические (торговля) вопросы. В случае конфронтации «договоры» устанавливали параметры мирных отношений между сторонами. «Договоры» не оформлялись в виде самостоятельного акта, не ратифицировались. Дипломаты, уполномоченные проводить переговоры, в большинстве случаев не обладали дипломатическим рангом. Политические цели Российского государства, низкий статус кочевников как контрагентов предопределили упрощение процедурных требований.

Ключевые слова

Российское государство, Центральная Азия, кочевники, «договоры», служилые люди, полномочия

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

Для цитирования

Попов Д. К. «Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 60–71. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-60-71

“Treaties” in the Diplomatic Relations of the Russian State with the Nomads of the North of Central Asia in the 17th – Early 18th Century

Dmitriy K. Popov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
dmitriy_popov_1997@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1524-2857>

Abstract

This article examines the “treaties” that were either concluded or discussed by Russian diplomats who were sent to the headquarters of Turkic and Mongol-speaking nomads in northern Central Asia during the 17th and early 18th centuries, drawing on official documentation. The aim is to identify the individuals authorized to negotiate these “treaties” and

© Попов Д. К., 2026

to analyze their content. The findings contribute to a deeper understanding of the diplomatic culture of the Russian state during this period. The study specifically focuses on agreements that are expressly referred to as “treaties” (“dogovor”) in the source materials. It reveals that these “treaties” between the Russian state and northern Central Asian nomads were typically negotiated by Siberian servicemen. These diplomats, dispatched by Russian authorities on diplomatic missions, often lacked formal diplomatic rank. The “treaties” primarily addressed political issues, such as *shert*, *yasak*, *amanat*, the return of prisoners, and the cessation of raids, with some economic matters, particularly trade, occasionally included. In instances of confrontation, the “treaties” established a framework for peaceful relations between the parties involved. Importantly, these treaties were not formalized as independent acts and lacked ratification, reflecting the political goals of the Russian state and the comparatively low status of the nomads as negotiating counterparts, which led to simplified procedural requirements.

Keywords

Russian state, Central Asia, nomads, “treaties”, service people, powers

Acknowledgements

The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education in the field of scientific activity under the project no. FSUS-2025-0009 “Features of the formation of intercultural communications in Siberia – from the Stone Age to the early modern period (according to archaeological and written sources)”

For citation

Popov D. K. “Treaties” in the Diplomatic Relations of the Russian State with the Nomads of the North of Central Asia in the 17th – Early 18th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 60–71. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-60-71

Российское государство в конце XV – XVII в. установило коммуникацию с большим количеством государств и политических образований Европы и Азии. Со многими из них обсуждались, заключались и пролонгировались договоры, определявшие основные параметры межгосударственных отношений в разных сферах – политической, дипломатической, экономической. Активное развитие посольской службы привело к тому, что в течение XVI–XVII вв. в дипломатической практике Российского государства были выработаны и апробированы процедуры оформления, подписания и ратификации договоров, сформировались определенные традиции и требования к лицам, подписывавшим эти акты, и т. д. [Грабарь, 1958, с. 20–21; Юзефович, 1988, с. 158–180].

В XVII в. в ходе экспансии в Сибирь Российское государство установило дипломатические отношения с кочевыми народами, обитавшими на севере Центральной Азии. Среди контрагентов российского монарха оказались правители разноформатных тюрко- и монголоязычных военно-политических объединений алтайских телеутов, енисейских киргизов, калмыков (джунгар, хошоутов, торгоутов, дербетов), хотогойтов и халхасцев. Кроме того, в дипломатические контакты вступали и представители буддийского духовенства, занимавшие различные таксономические позиции в иерархии служителей культа.

Отношения России с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. выстраивались русской стороной на неравных условиях. Российская власть неоднократно стремилась добиться от кочевников шерти (присяги) на условиях подданства («вечного холопства») российскому монарху. Эти обстоятельства, казалось бы, не предполагали выстраивания между сторонами договорных отношений и заключения соглашений. Однако в реальной практике договоры все же имели место. Правда, они значительно отличались от тех, которые заключались с европейскими и некоторыми азиатскими монархами, как по внешней форме, так и содержательно.

Многие исследователи уже обращали внимание на договорной характер отношений России с конкретными тюрко- или монголоязычными кочевыми народами, а также отмечали факт заключения «договоров» между сторонами (см., например: [Бахрушин, 1955, с. 190–191, 197, 213–214, 218–219; Шастина, 1958, с. 36, 102, 123, 156, 158; Арзыматов, 1966, с. 23, 43; Абдыкальков, 1968, с. 93–95; Чимитдоржиев, 1978, с. 35; Уманский, 1980, с. 18, 22, 23, 36–37, 38, 40, 42, 57, 81; Боронин, 2002, с. 86, 88, 111–113; Бутанаев, 2007, с. 70, 80–82, 87–89; Чимитдоржиева, 2006, с. 61; Чертыков, 2007, с. 70, 75, 137, 170, 171, 172, 183–184, 186, 190, 201, 208, 210–214]).

На договорные практики в российско-кочевнических отношениях также обратили внимание А. С. Зуев и В. А. Слугина, анализировавшие технологии и инструменты приведения народов Сибири и севера Центральной Азии в подданство царю [Зуев и др., 2017, с. 270–271, 273–275, 278–279; Слугина, 2022, с. 97–98; Зуев, Слугина, 2023, с. 169, 172–173, 175]. На материале коммуникации с кочевыми народами, обитавшими на других приграничных территориях, договорные отношения рассматривались как в российской (см., например: [Трепавлов, 2017, с. 161–165, 182–183; Курапов, 2018]), так и в зарубежной историографии (см., например: [Ходарковский, 2019, с. 80–88; Вульпиус, 2023, с. 87–90]).

В контексте теории международного права развитие российско-кочевнических взаимоотношений рассматривал М. О. Акишин. По его мнению, между Россией и центральноазиатскими кочевниками отношения выстраивались на договорной основе, а «ханы Джунгарского ханства и князья енисейских киргизов сумели добиться соблюдения принципа суверенного равенства при заключении шертных договоров с представителями московского самодержца, т. е. шерты в данных случаях являлись равноправными договорами» [Акишин, 2013, с. 19].

Анализ научно-исследовательской литературы позволяет констатировать, что историки, признавая наличие «договоров» в российско-кочевнических отношениях XVII – начала XVIII в., не ставили перед собой цели проанализировать их в контексте дипломатической культуры Российского государства. Однако исследование этих «договоров» в коммуникации России с кочевым миром севера Центральной Азии позволит, во-первых, установить круг лиц, уполномоченных заключать «договоры», во-вторых, понять содержание этих «договоров», в-третьих, расширить представления о дипломатической культуре рассматриваемого периода.

В центре внимания в данной статье «договоры», которые обсуждались и / или заключались русскими дипломатами в ходе переговоров, проходивших в ставках кочевников в течение XVII – начала XVIII в. Сразу отметим, что в статье будут проанализированы только те соглашения, которые в источниках номинируются «договорами».

В качестве источников для анализа «договоров» использовалась нормативно-распорядительная и отчетная документация, опубликованная в сборниках «Памятники Сибирской истории» [1882], «Русско-монгольские отношения» (далее – РМО) [1959; 1974; 1996; 2000], «Русско-китайские отношения» (далее – РКО) [1972; 1978], «Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в.» [1995], «Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века» [2014], а также в приложениях к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера [2000; 2005]. Кроме того, привлекались и документы, выявленные в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА).

С российской стороны в ставки кочевников ездили дипломаты из числа сибирских служилых людей по отечеству (дети боярские) или по прибору («начальные люди», рядовые казаки), а иногда и те, кто не был зачислен на государеву службу (см. подробнее: [Зуев, Попов, 2022]). Перед отправкой в степь дипломаты получали наказ или наказную память, в которых определялись полномочия посланников, круг вопросов, требовавших урегулирования, аргументация для склонения кочевников к «службе» и подданству царю, а также порядок ритуальных (церемониальных) действий во время аудиенций [Зуев, Попов, 2021; 2024]. В ходе переговоров могли достигаться какие-то договоренности, которые в источниках рассматриваемого времени номинировались лексемой «договор».

Слово «договор» в дискурсе XVII в. означало следующее: «договор», «договоренность, уговор», «документ, оформлявший договор», «наказ», «официальные переговоры (на уровне послов)», «переговоры», «обоюдное согласие», «международное соглашение», «акт, завершающий переговоры» [Сергеев, 1972, с. 124–127, 193; Словарь..., 1977, с. 281]. Ф. П. Сергеев, проанализировавший дипломатическую лексику XVI–XVII вв., пришел к выводу, что в XVII в. понятие «договор» зачастую применялось в процессуальном понимании, т. е. в значении переговорного процесса. При этом уже в середине XVI в. слово «договор» использовалось

в значении юридического акта, которым завершались переговоры. Это же значение окончательно утвердилось в XVIII в. [Сергеев, 1972, с. 127, 193].

Тематика «договоров» в российско-кочевнической коммуникации определялась реалиями отношений между сторонами, политическими целями, которые ставили перед собой российская власть и кочевники, попытками выстраивания перспектив взаимодействия России и номадов. В качестве предмета «договора» с российской стороны часто выступали политические вопросы: принесение контрагентом шерти (присяги) на условиях подданства и «службы», выдача ясака самим контрагентом или южносибирскими народами, на которые претендовали несколько сторон (монголы и русские), посылки контрагентом в сибирские города аманатов (заложников) [РМО, 1959, с. 243; 1974, с. 58; 1996, с. 181]¹. Например, отправленный в 1627 г. к киргизским князям тобольский сын боярский Д. Черкасов был уполномочен на решение следующих «государевых дел»: «для подлинново договору, чтоб им, всем кыргызским людем, быть под государевою высокою рукою не отступным в прямом холопстве и ясак с себя государю и закладчиков (заложников. – Д. П.) в Томской город по-прежнему давать безпереводно» [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 71]. Хотогойтский алтын-хан Омбо Эрдени в 1636 г. предлагал сыну боярскому С. Гречинину «о шерти и про киргиз договор учинить» [РМО, 1974, с. 41].

Кроме того, «договоры» урегулировали такие аспекты российско-кочевнических взаимоотношений, как возврат пленных, прекращение набегов на русские и ясачные территории, а также задавали основные параметры будущего диалога между сторонами. В 1614 г. тарскому воеводе была направлена грамота из Казанского приказа, содержащая предписание послать к калмыцким тайшам Тюргеню и Богатырю служилых татар Едигера «с товарищи», обозначив следующим образом цель их поездки: «для договору и, чтоб русской и юртовской полон, весь сыскав, прислали в Тарской город». Далее по тексту грамоты читаем: «а с колмацкими бы естя людьми сверх шерти уговорились и во всем укрепились накрепко, и чтоб они полон, которой у них пойман в наших в тарских в ясачных волостях, весь отдали, и соль возити давали, и аманаты у них, у колмацких людей, в город на Тару взяли для утверженья добрых людей, чтоб мочно верить». В заключительной части документа воеводе предписано оповестить Москву «на чем у вас с колмацкими людьми ныне договор будет» [РМО, 1959, с. 41].

В тех случаях, когда коммуникация между сторонами – русской и кочевой – находилась в стадии конфронтации, «договоры», которые заключали русские дипломаты, устанавливали мирные отношения. Обратим внимание на то, что лексема «мирный» не всегда употребляется при номинации таких «договоров». Однако по смыслу событий, предшествовавших заключению соглашения, становится понятно, что оно является «мирным договором», который завершал конфликт между сторонами. Особо актуально заключение подобных договоров было в русско-киргизских и русско-телеутских отношениях, которые в течение XVII – начала XVIII в. нередко переходили в открытые боевые действия.

В русско-киргизских отношениях подобные «договоры» могли заключаться как в результате военных походов служилых людей (см., например: [Памятники..., 1882, с. 13, 71]), так и в ходе дипломатических миссий, направленных из Сибири в улусы кочевников (см., например: [Там же, с. 183, 244]). Эскалация военно-политической обстановки в конце XVII в., выражавшаяся в набегах енисейских киргизов на русские и ясачные территории и ответных действиях русских служилых людей, активизировала дипломатические переговоры, в которых принимали участие русские, киргизы, а также джунгары, установившие контроль над Киргизской землицей. В этот период была актуализирована идея «мирного постановления / договора» и даже «вечного мира» [Там же, с. 140, 175, 176, 177, 178, 180, 182, 183, 183].

Следует заметить, что в русско-киргизских отношениях практиковалось составление киргизами «писем», в которых в общих чертах содержались условия предполагаемого или ре-

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 5–6.

ально заключенного «договора». Правда, эти письма в основном содержали обязанности киргизской стороны. В 1630 г. томский атаман Д. Копылов заключил какой-то «договор» с киргизами. Договоренности, достигнутые русским дипломатом, были записаны в письме, которое киргизы передали с посланником в Томск. В нем, судя по отписке воеводы П. Пронского в Казанский приказ, киргизы выражали согласие быть «под государевой рукой» и давать ясак [Миллер, 2000, с. 435].

В 1678 г. по результатам поездки красноярского атамана Р. Кольцова для переговоров с киргизским князем Ереняком был заключен «договор». Сам киргизский правитель составил «договорное письмо», являвшееся подобием реального договора². В своем «доезде» (отчете) Р. Кольцов констатирует, что Ереняк с ним о «договоре договорился», обязавшись отдать угнанный в ходе военных действий скот. Обе стороны, согласно «договору», должны были вернуть перебежчиков, укрывавшихся в Красноярске и в улусах Ереняка. Кроме того, как писал Р. Кольцов в своем «доезде», была достигнута договоренность о строительстве острога на правых притоках Енисея – р. Кое или Ое³. «Договор» предполагал, что в случае получения информации от кого-либо о предстоящем «приходе» «воинских людей» под сибирские города киргизам, алтысарам, езерцам, моторцам и тубинцам следовало оповестить об этом воевод. Самим же киргизам запрещалось ходить «войной» под сибирские города. Предполагались также совместные военные походы с русскими служилыми людьми в случае необходимости. Практически все названные условия, за исключением информации о строительстве острога, содержались и в «договорном письме», составленном князем Ереняком [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 138–141].

«Договор», изложенный в «доезде» атамана Р. Кольцова, а также «договорное письмо» содержали санкции, которые должны следовать при нарушении условий. «А буде вы на своих правдах не устоите, – написано в письме киргизского князя, – и буди грех на воеводе и на Родионе (Кольцове. – Д. П.), а буде я, Ереняк, на своей правде не устою и буде тот грех на мне, Ереняке, и на всех улусных людех» [Там же, с. 141]. Аналогичную информацию можно прочитать и в «доезде» Р. Кольцова [Там же, с. 140]⁴.

В российско-кочевнических отношениях практиковались «договоры», предмет и содержание которых не были связаны с подданством и «службой» великому государю и прочими политическими аспектами. Решение вопросов, содержащихся в таких «договорах», должно было способствовать активизации дипломатических и торговых отношений между сторонами. Сразу несколько условий содержал «договор», заключенный русским дипломатом В. Калашниковым с калмыцким тайшей Иркилдеем в 1631 г., по которому калмыки обязались не приходить в ясачные волости и не чинить «утеснения ни в чем», не принимать в улусах государевых изменников, обмениваться посольствами, а также торговать по-прежнему [Миллер, 2000, с. 443]. Отписка тобольского воеводы В. И. Хилкова 1653 г. в Сибирский приказ содержит пересказ указа, полученного воеводой, о посылке к Гундже – жене тайджи Чокуру – государевых послов «о договоре». Предметом договоренности должен был стать проезд русского посольства Ф. И. Байкова в Китай [РМО, 1974, с. 394].

«Договор» экономического характера должен был заключить сын боярский М. Ржицкий, посланный в 1667 г. к алтын-хану Лубсану Саин Эринчину. Наказная память предписывала ему проведать, «на какия товары серебро купят, и в какову цену пуд купят, и говорить про то ближним людям Лоджана-царя: мочно ли им в Китайском на великих государей серебра купить?». В случае если будет возможность закупать серебро в Китае, предписывалось «договор чинить»: «на сколько пуд серебра товару поставить, и на которая место, и на которой срок поставить» [РМО, 1996, с. 171].

В источниках упоминаются случаи, когда кочевники сами просили прислать к ним послов для достижения каких-то договоренностей без конкретизации условий. В 1649 г. в Покров-

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 11, 17, 31, 32 и т. д.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 36, 39.

ский городок к ротмистру С. Коловскому прибыли посланники из Монголии и просили прислать к Мерген-тайше служилых людей, «чтоб договоритца о *мирном договоре*» [РМО, 1974, с. 342, 359].

Заметим, что «договоры», которые обсуждались и заключались в российско-кочевнических отношениях, не оформлялись в письменном виде. При этом русские дипломаты, ездившие в ставки кочевников для приведения их к шерти (присяге), могли иметь при себе шертные (шертовальные) записи, содержавшие условия подданства великому государю. На этот факт уже обращали внимание исследователи [Зуев, Слугина, 2023, с. 66–69, 71–72]. В таком случае условия подданства, которые обсуждались в ходе переговоров и становились предметом «договора», были письменно зафиксированы.

Обратим внимание на то, что документ, содержащий условия подданства хотогойтских и халхаских тайшей, который имел при себе посланный к ним в 1689 г. жилец И. Р. Качанов, назывался «договорными статьями» [РКО, 1972, с. 411]. Это дало основание некоторым историкам определить его как полноценный договор о вступлении в подданство русскому царю (см., например: [Шастина, 1958, с. 155–156]). Действительно, в дипломатическом дискурсе «договорными статьями» называли договоры / договоренности, заключенные / достигнутые между сторонами-контрагентами. Например, Нерчинский договор 1689 г., заключенный Ф. А. Головиным, в источниках конца XVII – первой четверти XVIII в. иногда называется «договорными статьями» [Памятники, 1882, с. 122; РКО, 1978, с. 45, 363]. Более детальный анализ документа позволил, однако, исследователям прийти к убедительному выводу, что «статьи» халхаских и хотогойтских тайшей 1689 г. являются специфическим вариантом шертовальной записи [Зуев, 2022, с. 178–180; Зуев, Слугина, 2023, с. 69, 118, 173]. Использование формулировки «договорные статьи» применительно к документу, оформлявшему подданство монгольских тайшей, обусловлено «творчеством» полномочного посла Ф. А. Головина, при участии которого этот документ и был составлен. «Договорными» они названы лишь постольку, поскольку были достигнуты в ходе реальных дипломатических переговоров.

В течение XVII – начала XVIII в. «договоры» обсуждались и / или заключались русскими дипломатами в отношениях Российского государства с енисейскими киргизами [Миллер, 2000, с. 435; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 166; РМО, 1996, с. 237]⁵, алтайскими телеутами [Уманский, 1980, с. 57, 132, 133]⁶, орчаками (тувинцами) [РМО, 1996, с. 181], хотогойтскими [РМО, 1959, с. 243; РМО, 1996, с. 64, 65; Памятники, 1882, с. 173]⁷, халхасцами [Исторический выбор..., 2014, с. 163–164], представителями буддийского духовенства [РМО, 1974, с. 58]⁸. Практиковались «договоры» и в отношениях российской власти с Кучумовичами – потомками сибирского хана Кучума, кочевавшими вблизи сибирских территорий (см., например: [Миллер, 2000, с. 196]).

После достижения договоренностей кочевники обычно давали шерть: «договор учинился и великому государю по своей бусурманской вере шертовали» (посольство Д. Черкасова к киргизам, 1627 г.) [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 84]; «на то на все договор... шертовал» (посольство В. Калашникова к калмыкам, 1631 г.) [Миллер, 2000, с. 443]⁹.

«Договоры», которые заключались с кочевыми народами, значительно отличались от тех, что практиковались в отношениях Российского государства с европейскими и некоторыми азиатскими правителями. Это выражалось в следующем. Во-первых, договоры с кочевниками фиксировались только русской стороной и только в отчетной посольской документации в составе статейных списков, «доездов» и расспросных речей – в тех случаях, когда было со-

⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 32. Л. 5–6.

⁷ Там же. Ф. 126. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 8. См. также: [Памятники..., 1882, с. 173].

⁸ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 1.

⁹ См. также: [РМО, 1996, с. 181; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 139–140, 166; Памятники..., 1882, с. 183, 184].

вершено русское посольство в ставки кочевников. «Договоры» никогда не оформлялись в виде самостоятельного юридического акта. Соответственно, не обсуждались проекты соглашений, которые затем отдавались на согласование с представителями российской власти. А ведь именно такой порядок применялся при заключении договоров с европейскими монархами [Белокуров, 1906, с. 67; Грабарь, 1958, с. 20–21]. «Договорные письма», которые присылали киргизы, были прежде всего письмами, составленными контрагентами, излагавшими результаты переговоров. Упомянутые ранее «договорные статьи» монгольских тайш лишь внешне схожи с договором, но по своему содержанию являются вариантом шертовальной записи.

Во-вторых, рассмотренные выше «договоры» не подлежали двухсторонней ратификации¹⁰. При этом в качестве подтверждения договоренностей со стороны номадов выступала шерть-присяга (в тех случаях, когда она производилась). Российская сторона не совершала никаких ритуальных действий для подтверждения «договора». Исключением является лишь посольство дворянина Я. Е. Тухачевского, посланное в 1634 г. к алтын-хану Омбо Эрдени. Тогда русские дипломаты «по своему изволу, а не по государеву наказу... дали свою шерть» [РМО, 1959, с. 222–223]¹¹.

В российской дипломатической практике XVI–XVII вв. заключать договоры были уполномочены лица, наделенные рангом посла (реже – посланника) [Белокуров, 1906, с. 67; Юзефович, 1988, с. 29; Рогожин, 2019, с. 37]. «Договоры», которые «заключались» / достигались в ставках кочевников, упоминаются при описании деятельности русских дипломатов, отправленных к контрагентам без наделения каким-либо рангом. Исключениями служат дипломаты, ездившие к хотогойтским алтын-ханам и ламе: Я. Е. Тухачевский, С. Гречинин, Б. Карташев в источниках (статейных списках, отписках воевод, грамотах центральных органов власти, переводах писем от кочевников) упоминаются как «государевы послы» [РМО, 1959, с. 239, 240, 276; 1974, с. 32, 33, 51, 52, 56, 59, 60, 61, 76, 77, 78–81, 89, 93, 96, 98–100]. Такой «высокий» для Сибири ранг возвышает их среди всех русских дипломатов, ездивших к центральноазиатским кочевникам. Однако по своим социальным параметрам и дипломатическому статусу они все равно не были равными тем дипломатам, которых Посольский приказ направлял в некоторые европейские и азиатские государства [Котошихин, 1884, с. 45–46]. Жилец И. Р. Качанов, «заключивший» «договор» в 1689 г., ездил с поручениями в «должности» «посланного» и «нарочно посланного» [РКО, 1972, с. 217, 377], что в принципе сближало его с гонцом, а не с послом. Наличие или отсутствие дипломатического ранга у дипломата не являлось препятствием для ведения переговоров с кочевниками.

Отметим, что заключение «договоров» в источниках иногда фиксируется *post factum*, т. е. после совершившейся дипломатической миссии. Это наводит на мысль, что русские дипломаты, ездившие в центральноазиатские степи, были уполномочены проводить переговоры и, как следствие этих переговоров, заключать с кочевниками «договоры». Другими словами, правомочность заключать «договоры» могла заранее не оговариваться, но и не ограничиваться. Упоминания в документации «договоров», которые заключали дипломаты, не вызывало со стороны российских властей каких-либо возражений.

Российское государство, нацеленное на подчинение кочевников и установление подданных или хотя бы протекторатно-вассальных отношений, не видело необходимости прибегать к заключению реальных письменных договоров, практиковавшихся в отношениях с европейскими монархами. Кочевые правители-контрагенты и служители буддийской церк-

¹⁰ Процедура ратификации договора варьировалась в зависимости от вероисповедания контрагента. В отношениях с христианскими правителями практиковалось целование креста и / или Евангелия [Грабарь, 1958, с. 20; Юзефович, 1988, с. 172–180], а при утверждении договоров с мусульманами применялась шерть на Коране [Юзефович, 1988, с. 178].

¹¹ Обратим внимание, что действия русской стороны трактовались как «договор»: «по ево ж Яковлеву и Лукину (Я. Тухачевского и Л. Васильева. – Д. П.) *договору*, алтына-царя табуном Яков и Лука шерть свою давали» [РМО, 1959, с. 223]. Однако это была личная договоренность, достигнутая во время переговоров между русскими дипломатами и представителями кочевой элиты.

ви различных таксономических уровней никогда не являлись и не воспринимались равными великому государю.

Для урегулирования отношений между кочевой и российской сторонами достаточно было достигнуть устной договоренности, а затем подтвердить это присягой «по своей вере». Точно так же нет оснований и говорить об установлении равноправных отношений между отдельными кочевыми объединениями и российской властью. Даже если результат переговоров оформлялся в формате «договора» и даже если он имел выгодные условия не только для российской стороны, но и для кочевников, отношение Российского государства к последним не менялось. Место номадов во властной иерархии правителей, их статус, а также дипломатические практики, которые в символической форме отражали характер отношений сторон, оставались прежними.

Основными уполномоченными лицами, которые заключали «договоры» в российско-кочевнических отношениях, были служилые люди, посланные в ставки кочевников в качестве дипломатов. Они были правомочны проводить реальные переговоры и, в тех случаях, когда это требовала ситуация, заключать «договоры». Реалии отношений российского монарха с кочевыми правителями не требовали наличия у дипломатов специальных рангов, определявших их статус и полномочия. Это было обусловлено тематикой «договоров», направленных на установление подданнических отношений, а также статусом самих контрагентов.

Список литературы

- Абдыкалыков А.** Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе: Илим, 1968. 140 с.
- Акишин М. О.** Правовые формы становления отношений России с народами Центральной Азии и Китаем в XVII веке // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 2 (19). С. 13–20.
- Арзыматов А. А.** Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII века. [Фрунзе]: Кыргызстан, 1966. 92 с.
- Бахрушин С. В.** Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 176–224.
- Белокуров С. А.** О посольском приказе. М.: Имп. Об-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1906. 170 с.
- Боронин О. В.** Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул: Азбука, 2002. 217 с.
- Бутанаев В. Я.** История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: ХаКГУ, 2007. 295 с.
- Вульпиус Р.** Рождение Российской империи: концепции и практики политического господства в XVIII веке. Москва: НЛЮ, 2023. 711 с.
- Грабарь В. Э.** Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.
- Зуев А. С.** Шерти-присяги монгольских тайшей и табунгутских сайтов российским монархам в 1689 г. // Мир Центральной Азии – V: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2022. С. 178–180.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.** Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: НГУ, 2017. 444 с.
- Зуев А. С., Попов Д. К.** Попытки подчинения Русским государством центральноазиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 79–89.
- Зуев А. С., Попов Д. К.** Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15 (4). С. 649–662.

- Зуев А. С., Попов Д. К.** Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сб. памяти В. В. Трепавлова. М., 2024. С. 400–418.
- Зуев А. С., Слугина В. А.** Шерти-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI – начале XVIII в.: исследование и материалы. Новосибирск: НГУ, 2023. 560 с.
- [**Котошихин Г. К.**] О России, в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Археогр. комис., 1884. 256 с.
- Курапов А. А.** Буддийская обрядность в русско-калмыцких шертях-присягах и договорах XVII – начала XVIII века // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 176–182.
- Рогожин Н. М.** У государевых дел быть указано... История Посольского приказа. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 304 с.
- Сергеев Ф. П.** Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев: Карта Молдовеняске, 1972. 260 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4 (Г–Д). 403 с.
- Слугина В. А.** Практики установления присяжных обязательств народов Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 92–100.
- Трепавлов В. В.** «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 317 с.
- Уманский А. П.** Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
- Ходарковский М.** Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: НЛЮ, 2019. 349 с.
- Чертыков В. К.** Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. 334 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б.** Взаимоотношения Монголии и России. XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 216 с.
- Чимитдоржиева Л. Ш.** Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ: БурНЦ СО РАН, 2006. 154 с.
- Шастина Н. П.** Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 182 с.
- Юзефович Л. А.** «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Междунар. отношения, 1988. 216 с.

Список источников

- Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.** Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан: ХакГУ, 1995. 250 с.
- Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века: документы и материалы. Иркутск: Отгиск, 2014. 784 с.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.; 2005. Т. 3. 598 с.
- Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1: 1700–1713. 551 с.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М.: Наука, 1972. Т. 2: 1686–1691. 835 с.
- Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М.: Наука, 1978. 703 с.
- Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. док. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 353 с.
- Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сб. док. М.: Наука, 1974. 469 с.
- Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. док. М.: Вост. лит., 1996. 559 с.
- Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сб. док. М.: Вост. лит., 2000. 488 с.

References

- Abdykalykov A.** Eniseiskie kirgizy v XVII veke (istoricheskii ocherk) [Yenisei Kirghiz in the 17th Century (Historical Essay)]. Frunze, Ilim Publ., 1968, 140 p. (in Russ.)
- Akishin M. O.** Pravovye formy stanovleniya otnoshenii Rossii s narodami Tsentral'noi Azii i Ki-taem v XVII veke [Legal Forms of the Formation of Relations between Russia and the Peoples of Central Asia and China in the 17th Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the St. Petersburg Law Academy], 2013, vol. 2 (19), pp. 13–20. (in Russ.)
- Arzymbatov A. A.** Iz istorii politicheskikh otnoshenii eniseiskikh kirgizov s Rossiei v XVII – pervoi polovine XVIII veka [From the History of Political Relations between the Yenisei Kyrgyz and Russia in the 17th – 1st Half of the 18th Centuries]. [Frunze], Kyrgyzstan, 1966, 92 p. (in Russ.)
- Bakhrushin S. V.** Eniseiskie kirgizy v XVII v. [Yenisei Kirghiz in the 17th Century]. In: Bakhrushin S. V. Nauchnye trudy [Scientific Works]. Moscow, 1995, vol. 3, pt. 2, pp. 176–224. (in Russ.)
- Belokurov S. A.** O posol'skom prikaze [About the Ambassadorial Order]. Moscow, Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1906, 170 p. (in Russ.)
- Boronin O. V.** Dvoedannichestvo v Sibiri XVII – 60-e gg. XIX v. [Double Tribute in Siberia in the 17th – 60s of the 19th Century]. Barnaul, Azbuka Publ., 2002, 217 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Istoriya vkhozhdeniya Khakasii (Khongoraya) v sostav Rossii [History of the Incorporation of Khakassia (Khongorai) into Russia]. Abakan, KhakSU Press, 2007, 295 p. (in Russ.)
- Chertykov V. K.** Khakasiya v XVII – nachale XVIII veka i ee vzaimootnosheniya s Rossiei i gosudarstvami Tsentral'noi Azii [Khakassia in the 17th – Early 18th Centuries and Its Relationship with Russia and the Central Asia's States]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007, 334 p. (in Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B.** Vzaimootnosheniya Mongolii i Rossii. XVII–XVIII vv. [Relations between Mongolia and Russia. 17th – 18th Centuries]. Moscow, Nauka, 1978, 216 p. (in Russ.)
- Chimitdorzhieva L. Sh.** Russkie posol'stva k mongol'skim Altan-khanam XVII v. [Russian Embassies to the Mongolian Altan Khans of the 17th Century]. Ulan-Ude, BurNTs SO RAN, 2006, 154 p. (in Russ.)
- Grabar V. E.** Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917) [Materials on the History of Literature of International Law in Russia (1647–1917)]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, 491 p. (in Russ.)
- Khodarkovsky M.** Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppe Borders of Russia: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. Moscow, NLO Publ., 2019, 349 p. (in Russ.)
- [Kotoshikhin G. K.]** O Rossii, v tsarstvovanie Alekseye Mikhailovicha [About Russia, during the Reign of Alexei Mikhailovich]. St. Petersburg, Arkheograficheskaya komissiya, 1884, 256 p. (in Russ.)
- Kurapov A. A.** Buddiiskaya obryadnost' v rusko-kalmytskikh shertyakh-prisyagakh i dogovorakh XVII – nachala XVIII veka [Buddhist Rituals in Russian-Kalmyk Shert-Oaths and Treaties of the 17th – Early 18th Century]. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2018, vol. 2 (26), pp. 176–182. (in Russ.)
- Rogozhin N. M.** U gosudarevykh del byt' ukazano... Istoriya Posol'skogo prikaza [The Sovereign's Affairs Should be Indicated... History of the Ambassadorial Prikaz]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2019, 304 p. (in Russ.)
- Sergeev F. P.** Russkaya terminologiya mezhdunarodnogo prava XI–XVII vv. [Russian Terminology of International Law of the 11th – 17th Centuries]. Kishinev, Kartya Moldovenyaskie, 1972, 260 p. (in Russ.)

- Shastina N. P.** Russko-mongol'skie posol'skie otnosheniya XVII veka [Russian-Mongolian Ambassadorial Relations of the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958, 182 p. (in Russ.)
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, 1977, vol. 4 (G–D), 403 p. (in Russ.)
- Slugina V. A.** Praktiki ustanovleniya prisyazhnykh obyazatel'stv narodov Sibiri v XVII v. [Practices of Obligating the Peoples of Siberia by the Oath of Allegiance in the 17th Century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal]*, 2022, no. 1 (74), pp. 92–100. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** “Belyi tsar”. Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [“White Tsar”. The Image of the Monarch and Ideas about Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th – 18th Centuries]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017, 317 p. (in Russ.)
- Umansky A. P.** Teleuty i russkie v XVII–XVIII vv. [Teleuts and Russians in the 17th – 18th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 296 p. (in Russ.)
- Vulpius R.** Rozhdenie Rossiiskoi imperii: kontseptsii i praktiki politicheskogo gospodstva v XVIII veke [The Birth of the Russian Empire: Concepts and Practices of Political Domination in the 18th Century]. Moscow, NLO, 2023, 711 p. (in Russ.)
- Yuzefovich L. A.** “Kak v posol'skikh obychnykh vedetsya...” Russkii posol'skii obychai kontsa XV – nachala XVII v. [“As it was in ambassadorial customs...” Russian Ambassadorial Custom of the Late 15th – Early 17th Century]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988, 216 p. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Sherti-prisyagi mongol'skikh taishei i tabungutskikh saitov rossiiskim monarkham v 1689 g. [Oaths of Allegiance (Shert) of Mongolian Taishi and Tabungut Sayids to the Russian Monarchs in 1689]. In: *Mir Tsentral'noi Azii – V [World of Central Asia – V]*. Novosibirsk, 2022, pp. 178–180. (in Russ.)
- Zuev A. S., Ignatkin P. S., Slugina V. A.** Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the Canopy of the Double-headed Eagle: the Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2017, 444 p. (in Russ.)
- Zuev A. S., Popov D. K.** Chinovnyi status russkikh diplomatov v posol'skikh otnosheniyakh Russkogo gosudarstva s kochevnikami severa Tsentral'noi Azii v XVII v. [17th Century Ambassadorial Relations between Russia and Central Asian Nomads: The Official Status of Russian Diplomats Analyzed]. *Oriental Studies*, 2022, vol. 15 (4), pp. 649–662. (in Russ.)
- Zuev A. S., Popov D. K.** Popytki podchineniya Russkim gosudarstvom tsentral'noaziatskikh kochevnikov v XVII v.: argumenty russkoi diplomatii [Attempts to Subjugate the Central Asian Nomads by the Russian State in the 17th Century: Arguments of Russian Diplomacy]. *Rossiiskaya istoriya [Russian History]*, 2021, vol. 6, pp. 79–89. (in Russ.)
- Zuev A. S., Popov D. K.** Tseremonial priema russkikh poslannikov v stavkakh mongoloyazychnykh kochevnikov Tsentral'noi Azii v XVII v. [The Ceremony of Receiving Russian Envoys at the Headquarters of the Mongol-speaking Nomads of Central Asia in the 17th Century]. In: “Fenomen verkhovnoi vlasti i protsess formirovaniya imperskogo gosudarstva neischerpaemy dlya issledovaniya”. Sbornik pamyati V. V. Trepavlova [“The Phenomenon of Supreme Power and the Process of Formation of the Imperial State are Inexhaustible for Research”. Collection in memory of V. V. Trepavlov]. Moscow, 2024, pp. 400–418. (in Russ.)
- Zuev A. S., Slugina V. A.** Sherti-prisyagi narodov Sibiri i severa Tsentral'noi Azii rossiiskomu monarkhu v kontse XVI – nachale XVIII v.: issledovanie i materialy [Shert-oaths of the Peoples of Siberia and the North of Central Asia to the Russian Monarch at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2023, 560 p. (in Russ.)

List of Sources

- Butanaev V. Ya., Abdykalykov A.** Materialy po istorii Khakasii XVII – nachala XVIII v. [Materials on the History of Khakassia in the 17th – early 18th Century]. Abakan, KhakSU Press, 1995, 250 p. (in Russ.)
- Istoricheskii vybor: Rossiya – Buryatiya v XVII – pervoi treti XVIII veka: dokumenty i materialy [Historical Choice: Russia – Buryatia in the 17th – 1st Third of the 18th Century: Documents and Materials]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2014, 784 p. (in Russ.)
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. 2nd ed. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000, vol. 2, 796 p.; 2005, vol. 3, 598 p. (in Russ.)
- Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII veka [Monuments of Siberian History of the 18th Century]. St. Petersburg, 1882, vol. 1: 1700–1713, 551 p. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 17th Century: Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1972, vol. 2, 835 p. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII v. Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 18th Century. Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1978, vol. 1: 1700–1725, 703 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1607–1636. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. Collection of Documents]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1959, 353 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian Relations. 1636–1654. Collection of Documents]. Moscow, Nauka, 1974, 469 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654–1685. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian Relations. 1654–1685. Collection of Documents]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1996, 559 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1685–1691. Sbornik dokumentov. [Russian-Mongolian Relations. 1685–1691. Collection of Documents]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000, 488 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий Константинович Попов
Scopus Author ID 57414324000

Information about the Author

Dmitriy K. Popov
Scopus Author ID 57414324000

*Статья поступила в редакцию 17.08.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 13.10.2025
The article was submitted on 17.08.2025;
approved after reviewing on 15.09.2025; accepted for publication on 13.10.2025*